И.В. Кичева

Феномен взаимоотношения профессиональной языковой личности и языковой картины мира

Среди современных подходов к изучению научного текста и языка науки одним из наиболее перспективных, как можно судить по новейшим исследованиям в этой области (М.П. Котюрова, Е.С. Кубрякова, С.Л. Мишланова, Л.М. Алексеева, Л.С. Тихомирова и др.), представляется подход антропоцентрический. Современная антропоцентрическая парадигма языкознания, знаменующая поворот от изучения объекта (языка) к исследованию субъекта (человека), использующего знаковую систему языка в процессе речевого общения, по сути, отразила феноменологию современной научной парадигмы. Методология антропоцентризма – «научные объекты изучаются прежде, по их функции для развития человеческой личности и ее усовершенствования» [1: 212] – пронизала большую часть гуманитарного знания, стирая границы между разными отраслями и создавая единые контуры для новейшего знания о человеке как высшей цели познавательной деятельности и ее субъекте. В то же время смещение в сторону субъектности, фокусирование внимания на исследовании «человеческого фактора», процесса познания и способов его выражения, определяющих систему означаемого в языке, актуализировало задачу пристального изучения языковых маркеров когнитивной деятельности. При этом феноменологическая природа антропоцентризма в лингвистике проявилась в исследовательских акцентах: она позволяет видеть текст как результат и отражение дискурса, «порождающего и перерабатывающего» новое знание, и способы представления знания посредством языковых единиц.

Нам представляется возможным обозначить лишь некоторые грани этого феномена по отношению к научному дискурсу и такой категории, как профессиональная языковая личность, поскольку объективная сложность этого явления, разумеется, много глубже и нуждается в самом тщательном изучении.

Итак, в данном ракурсе рассмотрение научного дискурса обнаруживает своеобразие: создатель текста руководствуется направлением от идеи, мысли к ее текстуальному выражению, адресат в результате осмысления текста «извлекает» из научного текста ту новую идею, мысль, которая легла в основу текста адресанта, текст же предстает в качестве многофункционального, открытого, находящегося во взаимоотношениях с другими текстами фрагмента языковой картины мира. Понятие языковой картины мира, в последнее время рассматриваемое в рамках концептуализации мира средствами языка (М.А. Кронгауз, О.Г. Почепцов, Ю.Н. Караулов, Е.С. Кубрякова и др.), трактуется как многослойное, многокомпонентное, полиситуативное этноментальное представление мира [см.: 2: 3]. Научный текст, как и научный язык, явление сложное и неоднозначное. С одной стороны, он заданный, «сухой», строгий,

с другой – индивидуальный, творческий. Но отличительной чертой любого научного текста является наличие в нем терминов.

В терминах сосредоточено, зафиксировано в максимально сжатом «знаковом» виде научное понятие. Термины, таким образом, представляют собой фрагмент концептуально-понятийного поля соответствующей дисциплины (отрасли знания), целостность которого возникает вследствие наличия определённой сети связей между понятиями. А.А. Реформатский называл это поле содержания уровнем «логоса» «терминологии», противопоставляя его уровню «лексиса», понимаемому как набор наименований. Творчество и индивидуальность в научном дискурсе как модели речемыслительной деятельности ученого ярче всего прослеживаются в создаваемых терминах. Терминопорождение – создание новых номинаций для новых научных понятий – процесс целенаправленный, нестихийный в том смысле, что всегда связан с мыслительной деятельностью ученого и его интенциями в речевой деятельности: разработка новых понятий, осмысление и уточнение знаний о существующих приводят к стремлению создать подходящий термин.

При этом создаваемый научный текст, включающий новые термины, неизменно фиксирует особенности профессионально маркированного «речемышления» учёного, в ходе которого рождается, формируется и формулируется новое знание, стимулируемое научным концептом. Это новое научное знание в ходе дискурса учёного определяет своё место в его научной картине мира, характеризуя тем самым определённый уровень научного познания» [3: 413] . Однако вместе с тем и сознание ученого формируется во взаимодействии с уже имеющейся научной языковой картиной мира.

Общая языковая картина мира носителя языка так или иначе включает в качестве одного из своих фрагментов и научную языковую картину мира (соответствующую специальной области знаний), отражающуюся в научном дискурсе.

Важно учесть, что корпус текстов, представляющих в целом научный дискурс и, следовательно, терминологию, весьма неоднороден, что связано с принадлежностью текста той или иной конкретной науке, особенностями предмета каждой отдельной науки. Традиционная терминоведческая процедура инвентаризации и описания нормативности новых знаков в научном дискурсе (этот подход глубоко разработан в трудах Б.Н. Головина, С.В. Гринева, В.П. Даниленко, В.М. Лейчика, Д.С. Лотте, А.А. Реформатского, В.А. Татаринова и других ученых) уже не может в должной мере выявить в тексте взаимовлияние научной языковой картины мира и деятельности языковой личности. Кроме того, для выявления этого взаимодействия существенное значение имеет и специфика стиля мышления в определенной области знания, что сегодня нередко именуют парадигмальным мышлением – совокупностью общепринятых на данном этапе представлений о методологических основах знания и способах получения знания.

Современный научно-педагогический дискурс в этом отношении представляет интерес, поскольку обнаруживает в своей терминологии яркие специфические признаки, обусловленные особенностями науки: педагогика,

«синтезирующая в себе данные всех естественных и общественных наук о законах развития воспитательных общественных отношений, влияющих на социальное становление подрастающего поколения», будучи продуктом общественным, обнаруживает тесную взаимосвязь с теми явлениями действительности, которые определяют политическую, социально-экономическую и культурную ситуацию в стране [4: 85]. Именно в педагогике нередко новые термины номинируют еще не вполне сложившиеся понятия, но, «преждевременно» появившись в дискурсе, такие языковые знаки служат катализатором разработки понятия. Таковы, например, новые терминологические единицы *педагогический артистизм, воспитание отношения к информации, культура управления образованием, педагогический менеджмент, информационная инноватика, педагогические деформации* и др.

Обновление научного дискурса, в частности приращение терминологического состава, сопрягается и с проблемой адекватного усвоения значения новых единиц специалистами в данной области, теми самыми носителями русского языка и одновременно профессионального языка и специального знания – профессиональными языковыми личностями. Как справедливо отмечает Л.В.Ивина, «любая отраслевая терминосистема и возникает, и развивается на базе того языка, носитель которого пытается ословливать новые объекты и процессы реально существующего мира, исходя из предшествующего опыта и уже существующей терминологии» [5: 26]. Поэтому социально значимый характер свойств языковой личности проявляется и в той сфере коммуникации, которую принято называть профессиональной, кроме того, одним из основных параметров языковой личности является ее принадлежность к той или иной социальной или профессиональной группе, владение ею тем или иным типом дискурса. Понятие языковой личности, таким образом, включает в себя не только языковую компетенцию и определенный уровень знаний, но и интеллектуальную способность порождать новые знания на основе накопленных с целью объяснения всей совокупности. К дифференциальным признакам «профессиональной языковой личности» относят: 1) деятельность в профессиональной (научной) сфере, обусловленную освоением существующей научной картины мира; 2) развитие языковой научной картины мира в процессе образования (исследования, обучения) и профессиональной деятельности; 3) интегрированность нескольких социальных ролей, требующих разной степени освоения мира (обыденного уровня сознания и научного). Так, многие новые отражают освобождение профессиональной личности и в целом педагогической науки от догм, показывают глубинные гуманистические изменения, происходящие в сфере образования. Например, термин *конвергенция*. По теории конвергенции, принятой в философии и обществознании, современное общество характеризуется признаками сближения разных типов социальных и политических систем, процесс сближения сопровождается стиранием и диффузией противоположных признаков, в результате чего создается общество нового типа. В педагогике *конвергенция* выражается в принятии универсализации мирового педагогического процесса, создании мирового образовательного пространства и формировании общих представлений о

целях и задачах воспитания личности в соответствии с планетарными интересами. Термин *конвергенция* используется в работах по проблемам общего и поликультурного образования.

В научно-педагогическом дискурсе деятельность профессиональной языковой личности связана и с явлением интертекстуальности, понимаемой как особый способ формирования нового научного знания в результате полилога с другими исследованиями. Переработка отдельных текстов в единое речевое произведение в процессе их анализа мотивирована мыслительной деятельностью ученого. Так, например, стремление к междисциплинарному осмыслению процессов, явлений, закономерностей приводит к тому, что понятия, традиционно относимые к проблемному полю отдельной области знания, сегодня обретают некий синкретичный, интегративный, полифоничный смысл. Среди таких понятий, вошедших в научно-педагогический дискурс последних лет *вера, свобода, культура, этнос, глобализация, модернизация, демократия, национализм, выбор* и многие другие. Такого рода понятия, будучи сложными, многоаспектными, но всегда антропоцентрированными, не поддаются процедуре классического определения по дефинитивным признакам и потому описываются в парадигмальном измерении разных наук с разной степенью выраженности основного смысла. Соответственно и термины, обозначающие понятия, также склонны утрачивать свойство однозначности. С одной стороны, это не может расцениваться как положительный признак в педагогической терминосистеме, но с другой, появление в отраслевом дискурсе и фиксация в отраслевой понятийно-терминологической системе таких языковых новаций служат ярчайшим показателем векторной динамики научного знания.

Нельзя не отметить такую особенность взаимодействия ПЯЛ и современной языковой картины мира, как эстетизация языка педагогических текстов. Под эстетизацией понимаются как проявления образности и эмоциональности в тексте, разнообразие синтаксиса и тенденция к афористичности изложения, так и проявление индивидуальности профессиональной языковой личности. В целом эту тенденцию к индивидуализации, свойственную современному научному дискурсу, отмечает О.А.Лаптева. Исследователь считает, что научный дискурс в целом предполагает высокую степень облигаторности отбора и функционирования языковых средств, создающих специфику научного стиля (общие закономерности композиции текста, обобщенность – отвлеченность в сочетании с подчеркнутой логичностью и терминированностью речи и др.). Это ставит определенные рамки для проявления индивидуализации научной речи. По мнению О.А.Лаптевой, «к ней (индивидуализации) прибегают только крупные ученые, и то лишь в конце своей научной деятельности. Чтобы заработать право на собственный научный слог, надо сначала овладеть облигаторной нормой» [6: 140].

По отношению к научно-педагогическому дискурсу наблюдения О.А.Лаптевой в целом вполне подтверждаются. Однако есть свои нюансы: в педагогическом тексте индивидуализация ярко проявляется в частности в создании метафорических терминов (при этом совершенно не обязательно, чтобы пишущий был крупным исследователем в своей области): *прожить обучение, лепестки урока, океан слов, педагогическая муза, партитура*

школьного дня. Терминологизация общеупотребительной лексики способствует выражению коннотаций в педагогических терминах: *педагогика третьего возраста, педагогика достоинства, педагогика успеха, школа радости.*

Научная метафора в педагогической терминологии полифункциональна: она обеспечивает быстрейшее восприятие и наиболее точное обозначение нового понятия, но одновременно она способна открыть в известном понятии новые грани, выделив их в качестве нового понятия; более того, научная метафора не только формирует представление об объекте, она также предопределяет способ мышления о нем: новые факты и новый взгляд на них обусловливают порождение новых терминов. Производство метафор не является частным случаем в научной практике. Это скорее общий принцип производства новых идей. Метафоры привносят в язык педагогической науки определенную эмотивность, эстетизацию: личность ребенка – *модель безграничности,* образование – *питание души и сердца ребенка* (Ш.А. Амонашвили), предлагаемая воспитаннику позиция восприятия мира – *педагогический обертон* (Н.Е.Щуркова), ролевые функции педагога – *информатор, транслятор, дипломат* (М.И.Губанова).

Таковы некоторые черты взаимодействия ПЯЛ и научной языковой картины мира, отраженные в современном педагогическом дискурсе.

Библиографический список

1. *Кубрякова, Е.С.* Эволюция лингвистических идей во второй половине XX в. (опыт парадигмального анализа) [Текст] / Е.С. Кубрякова // Язык и наука конца XX в. – М., 1995. – С. 212.
2. *Караулов, Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. 2-е изд. [Текст] / Ю.Н. Караулов. – М.: Русский язык, 2002. – 261 с.
3. *Ракитина, С.В.* Научный дискурс с позиции когнитивно-дискурсивного подхода [Текст] / С.В. Ракитина // Активные процессы в различных типах дискурсов: функционирование единиц языка, социолекты, современные речевые жанры. – М.: Ремдер, 2009. – С. 412-415.
4. *Лихачев, Б.Т.* Педагогика [Текст] / Б.Т. Лихачев. – М.: Прометей, 1992. – 462 с.
5. *Ивина, Л.В.* Лингво-когнитивные основы анализа отраслевых терминосистем [Текст] / Л.В. Ивина. – М.: Академический проект, 2003. – 180 с.
6. *Лаптева, О.А.* Теория современного русского литературного языка [Текст] / О.А. Лаптева. – М., 2003. – 246 с.